

Къ вечеру возвратился крылатый звѣрь, нагруженный самыми нѣжнѣйшими плодами міра. Парѣница по обыкновению вышла къ нему на встрѣчу и начала ласкать за вниманіе и заботливость. Затѣмъ, когда они вошли въ жилище свое, дѣвственница удивляясь массѣ принесенныхъ имъ плодовъ, какъ-бы въ удовлетвореніе престога любопытства обратилась къ дракону съ слѣдующимъ вопросомъ:

— Скажи мнѣ мой добрый другъ въ чемъ именно заключается твоя сила? Возможно-ли допустить, чтобы такое небольшое какъ ты существо переносило такую тяжесть изъ отдаленнѣйшихъ странъ міра?

— Сила моя такъ велика, что я могу вдвое болѣе поднять не почувствовавши усталости. Вся она сосредоточена въ центрѣ хвоста моего и если-бъ тебѣ вздумалось пригвоздить эту часть моего тѣла къ землѣ, я сдѣлался бы жертвою даже самыхъ ничтожныхъ насѣкомыхъ.

— Ты шутишь надо мною и право я не повѣрю, пока ты не позволишь мнѣ убѣдиться. Сказавъ это, она вынула изъ за пояса кинжалъ и воткнула его по рукоятку въ указанное мѣсто.

— А ну, попробуй приподнять меня—прибавила она, садясь животному на спину.

— Не могу.

— Пошевелись.

— Не могу.

— Нѣтъ, ты обманываешь. Твое изнеможеніе безъ сомнѣнія произошло отъ большого движенія. Отдохни-ка мой дружокъ, а я тѣмъ временемъ почешу твою гриву.

Неуспѣла Парѣница возложить на чудовище руку, какъ оно заснуло богатырскимъ сномъ. Тогда дѣвица отправилась къ друзьямъ своимъ и, рассказавъ, что они должны дѣлать, бросилась вмѣстѣ съ ними на страшнаго дракона и обезглавила его.

У брата и жениха оказалось судно, которое они скрыли не вдали отъ Аю-дага. На этомъ кораблѣ несчастная Парѣница благополучно возвратилась въ отечество, гдѣ и отпразднована была ея родителями двойная свадьба.

21 Безбожныя сестры.

Въ преданіяхъ, наслѣдованныхъ Аутинскими греками, на мѣстѣ теперешней Оріанды въ давноминувшія времена существовало обширное поселеніе христіанскихъ рыбаковъ, къ которому очень часто приходили изъ отдаленныхъ странъ міра купеческія суда за кефальной икрой и различнаго рода рыбою искусно вяленною на солнцѣ и просоленною въ громадныхъ глиняныхъ амфорахъ.

Селеніе это по рассказамъ однихъ именовалось Оріа, а по другимъ Фули или Фулля (гнѣзда). Оно имѣло укрѣпленный замокъ, куда при опасности скрывались жены и дѣти, и обширный храмъ

во имя св. Спиридона, великаго покровителя греческихъ мореходцевъ. Къ храму примыкала огромная роща масличныхъ деревьевъ, плоды которыхъ ежегодно обязаны были всѣ жители обо-его пола, начиная съ 7 лѣтняго возраста, своевременно собирать и выдавливать изъ нихъ масло для 33 лампадъ, неугасимо горящихъ предъ ликомъ угодника Божьяго. Кромѣ этого каждая взрослая дѣвица, послѣ обрученія должна была принести въ даръ святому пару башмаковъ въ томъ убѣжденіи, чтобы онъ не оставался безъ обуви при постоянномъ движеніи по міру для подачи помощи мореплавателямъ. Башмаки эти складывались подъ престольною плитою, гдѣ пролежавши сорокъ обѣденъ, получали свойство исцѣлять отъ болѣзни и другихъ недуговъ только тѣхъ, кто своевременно ихъ дѣлалъ.

Вотъ въ этомъ-то благодатномъ селеніи жили двѣ дѣвицы, два чудныхъ по красотѣ близнеца, которыми не могли налюбоваться ни мѣстные жители, ни чужестранные купцы. Имена Патрицы и Христіны Фульскихъ были знакомы всѣмъ коммерческимъ людямъ. Всѣ прославляли ихъ красоту, а односельцы до того гордились ихъ блистательною наружностію, что ни единый житель не позволялъ имъ собирать своеручно маслинъ и готовить изъ нихъ елей, для святаго покровителя селенія.

Когда исполнилось обѣимъ сестрамъ 18 лѣтъ, архонтъ или начальникъ Фули созвалъ всѣхъ молодыхъ людей и, угостивъ ихъ по обыкновенію сладкимъ виномъ, заявилъ, что сегодня Патрицѣ и Христинѣ, которымъ онъ замѣнялъ родителей, предложено избрать себѣ новыхъ покровителей въ лицѣ мужей.

У пылкихъ юношей сильно забились сердца и надежда на счастье казалась для всякаго доступною. Вѣгомъ они возвратились домой, чтобы переодѣться въ праздничное платье и предстать на выборъ славныхъ сестеръ.

Въ назначенный часъ явились въ священную масличную рощу Патрица и Христіна, сопровождаемыя всѣми взрослыми подругами своими, державшими въ рукахъ небольшіе вѣнцы изъ виноградныхъ лозъ. Архонтъ и священникъ взяли ихъ за руки и, заставивъ трижды поклониться группѣ молодыхъ людей, подвели къ самой старѣйшей изъ маслинъ, гдѣ онѣ должны были, помолвившись св. Спиридону, назвать поименно тѣхъ, кому желали принадлежать.

— Кого ты думаешь выбрать? спросила шопотомъ Христіна у сестры.

— Конечно того, кого любила и люблю—отвѣчала Патрица.

— А что если онъ торжественно откажется отъ союза съ тобой?

— Тогда я возненавижу его и возьму въ мужья сына архонта нашего, который не разъ уже подсылалъ ко мнѣ сважъ и который сочтетъ за счастье имѣть меня хозяйкою въ своемъ домѣ. Ну, а ты Патрица?

— Я выберу Ликурга.

Такого рода вели разговоръ двѣ сестры подъ деревомъ, гдѣ

должны были съ благоговѣніемъ испрашивать благословеніе святаго патрона своего.

Тѣмъ временемъ священникъ, окончивъ громогласную молитву, вмѣстѣ съ деревенскимъ старшиною подошли къ прекраснымъ сиротамъ и потребовали назвать тѣхъ, которые удостоились ихъ выбора. Гордые дѣвицы произнесли сладкозвучныя для нихъ имена. Послѣ этого мудрый архонтъ возвратился на площадку свою и потребовалъ къ себѣ Ликурга и Стефанія, двухъ друзей по ремеслу, прозванныхъ филоаделфи—и громко произнесъ:

— Нашъ благословенный Богомъ покровитель и защитникъ внушилъ Патрицѣ и Христинѣ свою святую волю избрать васъ въ мужья и покровители. Отвѣчайте всенародно принимаете-ли вы такое благо за милость свыше или отвергаете его?

— Да будетъ воля Господня надъ нами—отвѣчали друзья.

— Аминь! раздалось со всѣхъ сторонъ и сотни виноградныхъ вѣнковъ полетѣли къ ногамъ жениховъ и невѣстъ, тутъ же обреченныхъ.

Затѣмъ, послѣ обычныхъ привѣтствій и поздравленій архонтъ, назначивъ день бракосочетанія, отпустилъ всѣхъ домой.

Съ этого счастливаго дня Патрица и Христина, занятыя ласками и услугами избранныхъ жениховъ, никогда не думали о томъ, что обязаны принести въ даръ покровителю своему по парѣ шитыхъ собственными руками башмаковъ. Однажды крестная мать напомнила имъ объ этомъ, но Патрица отвѣчала, что у святителя собралось такое количество обуви, что онъ не сносить ее за сотню лѣтъ.

— А не обидится-ли этимъ нашъ покровитель? спросила старушка.

Невѣсты переглянулись съ улыбкою.

— Признаться у меня въ настоящее время нѣтъ ни охоты, ни матеріаловъ, чтобы заняться шитьемъ башмаковъ—сказала Христина. Впрочемъ я когда нибудь исполню это странное обязательство, чтобы вы не вздумали вторично меня укорять.

— Не мое дѣло укорять васъ—замѣтила старуха—но я обязана передать вамъ, что св. Спиридонъ никому не прощаль не уваженія къ себѣ.

— Сказанное вами можетъ быть и справедливо—отвѣчала съ неудовольствіемъ Патрица—но едва ли относится къ намъ, такъ какъ мы никогда не собирали даже маслинъ для лампадъ святаго.

— И вы этимъ тщеславитесь? замѣтила крестная мать. Жаль мнѣ васъ, дѣти мои: горе лежитъ за вашими плечами, если вы не исполните съ благоговѣніемъ того, что считалось у нашихъ предковъ священнымъ долгомъ.

Три мѣсяца спустя Ликургъ и Стефаній объявили невѣстамъ, что они окончательно приготовились къ празднованію бракосочетанія и что завтра намѣрены ѣхать въ море, въ надеждѣ поймавъ къ свадебному пиру сладкотѣлую муруну (осетра).

Сестры отъ радости захлопали въ ладоши и обѣщали выйти на прибрежную скалу, чтобы любоваться дѣйствіемъ жениховъ.

На слѣдующій день Ликургъ и Стефаній, замѣтивъ подругъ своихъ на возвышенности, быстро спустили лодку свою на воду и, затаивъ молодецкую пѣсню, двинулись въ синеву моря, но не прошло и часа какъ зеркальная поверхность моря начала колыхаться и щетиниться пѣнистыми валунами. У красавицъ заняли сердца. Но развѣ женихамъ ихъ впервые приходилось вести борьбу съ разъяреннымъ моремъ? Однако, какъ они не угѣшали себя этимъ, глаза ихъ съ ужасомъ слѣдили за каждымъ движеніемъ лодки, которая то подымалась на значительную высоту съ бѣло-снѣжнымъ валомъ, то исчезала въ мрачной глубинѣ ожесточенной стихіи. Затѣмъ сестры видѣли какъ ихъ возлюбленные захватили крючьями веревку съ приманками для рыбы, какъ отцѣпили отъ нея, безъ сомнѣнія, великолѣпную рыбу и какъ мастерски повернули къ берегу свою ладью. Еще часть и трепещущія сердца ихъ переполнятся радостію! Отъ избытка чувствъ сестры смѣялись и руки ихъ какъ-то невольно подымались, чтобы показать друзьямъ бѣлый плагокъ.

Какъ вдругъ изъ за скалы вылетѣлъ неизмѣримой вышины страшный смерчь. Море застонало, лодка завертѣлась и скрылась въ мрачномъ ураганѣ. Черезъ минуту, когда страшилище пронеслось, нигдѣ на всей поверхности воды не видно было ничего, за исключеніемъ лучезарнаго лика св. Спиридона, указывающаго на свои голыя ноги.

Патрица и Христина въ порывѣ отчаянія съ страшнымъ воплемъ закричали: „Такъ вотъ какъ ты мстиишь бѣднымъ сиротамъ, святой покровитель людей! Отнынѣ мы отвращаемъ наше лицо отъ тебя и клянемся нашею жизнью, что не допустимъ никого чтить твое имя. Да будетъ тебѣ вѣдомо, что и отъ храма твоего съ священной рощею не останется и слѣдовъ!“

Не успѣли несчастныя произнести этихъ словъ, какъ затрепетала подъ ними земля, рвануль оглушительный вѣтеръ и дерзкія сестры подняты были на воздухъ, откуда съ быстротою молніи сброшены были въ разъяренное море и тамъ, гдѣ онѣ погребены, чтобы людское милосердіе не коснулось ихъ грѣшныхъ тѣлъ,—моментадно выдвинулись двѣ опасныя скалы, названныя рыболовами могилою безбожныхъ сестеръ.

Скалы эти существуютъ по настоящее время, чтобы напоминать людямъ о ничтожествѣ ихъ предъ избранными Богомъ святыми угодниками.

22 Золотая колыска и нановальня.

У подножія сѣвернаго отклоня Лѣлинскаго хребта, въ трехъ верстахъ отъ большаго татарскаго селенія Бюкъ-Озенбашъ, находится пещера Каплу-кая. Узнавъ, что около нея сохранились какіе-то слѣды отъ древнихъ могилъ, я поѣхалъ туда съ проводникомъ. На обратномъ пути ко мнѣ внезапно выскочилъ изъ